

УДК 391/393 (571.54)
ББК 63.5 (2Р54)

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова,
доктор исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru

Арюна Станиславовна Суворова,
учитель,
Хуртэйская средняя общеобразовательная школа
(671464, Россия, Республика Бурятия, Кижингинский р-н, с. Хуртэй),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

Этапы трансформации похоронной обрядности сельских бурят в советское время

В статье ставится проблема исследования воздействия советской идеологии на похоронную обрядность ординарных бурят, выявляются этапы трансформации. Актуальность определяется мало исследуемым в данном контексте модернизационным рывком советской страны, позволившим её народам вписаться в глобальный мир на паритетных условиях. Методы компаративистики способствовали изучению процесса синхронно на двух уровнях, для полиэтничных и моноэтничных поселений, а диахронно на протяжении советского периода. Демонстрируются различные темпы динамики для разных типов поселений. Первые советские десятилетия характеризуются отсутствием технологических и идеологических инноваций. С середины 1930-х гг. в моноэтничных селах буддистов миряне практикуют нелегальное религиозное сопровождение погребения (сангарил). На основе традиционной погребальной обрядности складываются суррогатные этно-различительные обычаи похорон. Во время войны соблюдение обрядов и обычаев становится затруднённым. В 1970–80-е гг. зародилась традиция туристического паломничества в места захоронения погибших на войне родственников. Послевоенное ослабление атеистического прессинга и открытие в 1940-х гг. двух дацанов позволило религиозным семьям решать погребальные вопросы по буддийским канонам. До перестройки посещение церквей коммунистами и советскими служащими порицалось. В середине 1960-х гг. принимаются меры по укреплению советского образа жизни, вводится стандарт гражданской (безрелигиозной) похоронной обрядности с элементами советской символики. В полиэтничных селах распространяется гражданская похоронная обрядность пропагандистского характера. К середине 1970-х гг. сложились модели в зависимости от половозрастного и социального положения человека. Изменяется формат поминок, вводится алкоголь. Участие женщин в похоронах демонстрирует их эмансипированность. В моноэтничных селах сохраняются элементы традиционной погребальной обрядности. Социалистические преобразования коснулись всех сторон жизни бурят, включая обрядность из цикла жизни человека. Результаты статьи могут иметь практическое значение. Статья открывает перспективы для дальнейшего объективного изучения советского периода на основе современных методологий и методов.

Ключевые слова: буряты, советское время, седентаризация, типы поселений, похоронная обрядность, трансформация, периодизация

Sesegma Gendenovna Zhambalova,
*Doctor of History, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru.*

Aryuna Stanislavovna Suvorova,
*Teacher,
Khurtey Comprehensive Secondary School
(Khurtey, Kizhinginsky district, the Republic of Buryatia, Russia, 671464),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru*

Stages of Transformation of the Funeral Rites of Rural Buryats in the Soviet Period

The article deals with the problem of the impact of the Soviet ideology on funeral rituals of Buryats throughout the Soviet period. Certain stages in the transformation dynamics have been revealed. The relevance is determined by modernization breakthrough of the Soviet country that is little studied in this context that had allowed its peoples to fit into the global world on equal terms. Methods of comparative studies have contributed to the study of the process simultaneously on two levels, for multi-ethnic and mono-ethnic settlements, and diachronically during the Soviet period. The dynamics of different rates for different types of settlements have been demonstrated. The first Soviet decades were characterized by a lack of technological and ideological innovations. Since the mid-1930s, laity living in mono-ethnic Buryat villages with deep Buddhist traditions had practiced illegal religious support of burials (Sangaril). Based on traditional funeral rites surrogate ethno distinctive funeral customs were formed. During the Great Patriotic War, rites and customs were not followed. In the 1970–80s, there appeared the tradition of pilgrimage tourism to the graves of relatives killed during the war. The postwar weakening of the atheistic pressure and opening of two datsans in the 1940s allowed families to arrange burials in accordance with the Buddhist canon. Visiting churches by Communists and Soviet officials was prohibited before Perestroika. In the mid-1960s, certain measures were taken to strengthen the Soviet way of life. The standard of civil (non-religious) funeral rites with some elements of the Soviet symbols were introduced. Civil Soviet funeral rites having propagandistic character were established in multi-ethnic villages. By the mid-1970s, various models of funeral rites were formed depending on age, sex and social status of the person. The format of commemorations changed, alcohol appeared in the menu. Active participation of women in the Soviet funeral and memorial services demonstrated their emancipation. In mono-ethnic villages, elements of traditional funeral rites were preserved. Socialist transformations affected all aspects of life of Buryats, including rituals of human life cycle. Our results may have practical value. The article opens up prospects for further objective study of the Soviet period on the basis of modern methodologies and methods.

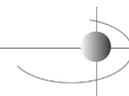
Keywords: Buryats, the Soviet period, sedentarization, types of settlements, funeral rites, transformation, periodization.

Актуальность исследования этапов трансформации похоронного обряда у бурят в советское время определяется мало изученным в данном контексте модернизационным рывком советской страны, позволившим впоследствии её народам вписаться в глобальный мир на паритетных условиях. Актуальность статьи определяется также тем, что складывавшийся в течение десятилетий стандарт советских похорон к настоящему времени у бурят, особенно у буддистов, утерян в основных своих позициях. Многие из приведённого здесь уже является не всем известной частью истории страны.

Складывание ряда общих черт в жизнедеятельности народов началось ещё в до-революционной России [15, с. 256]. В СССР состоялся ряд кардинальных политических, социальных и культурных кампаний по модернизации страны, постепенно унифицирующих повседневность всего советского наро-

да, городского и сельского. Процесс протекал относительно неравномерно: темпы восприятия инноваций у разных слоёв населения были неодинаковыми и во многом зависели от социальной среды обитания, в частности от типов населённых пунктов. Темп перехода инноваций в традицию был различным и для разных сфер жизни. Изменения в хозяйстве и быту приживались гораздо быстрее, чем в погребальных обрядах – в них сохраняется самая консервативная форма стереотипизации общественного опыта [18, с. 9]. Однако даже в этой сфере жизни советского народа в конечном счёте достигаются впечатляющие результаты.

В статье рассматриваются этапы трансформации похоронного обряда ординарных сельских бурят за годы советской власти. Методы компаративистики позволили изучить процесс синхронно на двух уровнях, для полиэтничных и моноэтнических поселений, а ди-

ахронно на протяжении советского периода. Объективность исследования темы достигается дифференцированным подходом к исследованию погребальной обрядности у жителей различных типов населённых пунктов.

В советское время завершился длительный процесс перехода бурят на оседлость. В результате седентаризации теперь они проживают в стационарных населённых пунктах, в больших полиэтничных сёлах, районных центрах или центральных усадьбах колхозов/совхозов или в моноэтничных улусах, отделениях колхозов/совхозов. Динамичность социалистических преобразований была в них неодинаковой. Сельские жители крупных сёл быстрее осваивали инновации, в улусах при оседлом образе жизни вплоть до конца 1950-х гг. сохраняются традиционные элементы жизнеобеспечения, обряды и обычаи [6].

Революционные преобразования в стране и в образе жизни не могли не найти отражения в погребальной обрядности. Советский стандарт похоронного обряда создавался не сразу, постепенно и проникал в большие и малые сёла разными темпами. Новая обрядность одного из компонентов цикла жизни человека в исследуемое время прошла в развитии ряд этапов, которые рассматриваются хронологически.

В результате модернизационных процессов XVIII – начала XX в. и мер по закреплению российских санитарно-эпидемиологических норм буряты перешли на грунтовое погребение (ингумация). Конечно, бывали случаи наземного и воздушного захоронений, и кремации. Анахронизм обуславливался особыми причинами: возрастом усопших (новорождённые, старики), гаданием, а также наличием в обществе служителей религиозного культа [19, с. 18–22]. В статье во всех случаях подразумевается грунтовое захоронение в гробу как тип стандартного погребения.

Анализ материалов показывает, что наднациональный стандарт погребения не отменяет традиционных этнических мировоззренческих представлений о смерти. Технологическая инновация сопровождалась традиционными обрядами и в первые советские десятилетия. Из-за представлений о реинкарнации души и желания предохраниться от негативного воздействия покойного «правильные» похороны имели принципиальное значение для бурят-буддистов. Цикл обрядов по подготовке души к загробной жизни подробно изучен на монгольских материалах А. М. Позднеевым. Он отмечает, что ни один монгол не пожелает умереть без ламы, который проведёт предсмертные обряды, опишет весь путь, который должна пройти душа по-

сле его смерти и даст наставления для того, чтобы родиться если не святым, то в царстве людей [17, с. 456–461]. Приведённые им данные практиковались и у бурят – оба народа проповедуют одно направление буддизма.

В первое советское десятилетие погребальная обрядность бурят-буддистов продолжает функционировать в традиционном русле. Имеются достоверные свидетельства о том, что в 1920-е гг., несмотря на деятельность Союза воинствующих безбожников, начавшегося в 1925 г., буряты продолжали приглашать лам для реализации похоронных обрядов. Г.-Д. Ц. Нацовым зафиксировано в эти годы, что для хорошего перерождения ламы читали умирающему ритуальные тексты «Доржо Жодбо» и другие, помогающие душе попасть в рай. Назавтра на восходе солнца больному, чьи дни и часы жизни были сочтены, под звуки раковины (*дунг*) давали пилюлю (*пэлдэн, урил*), затем лама показывал ему изображение рая Деважин и читал восхваление бурханам (*магтаал*) Санжид Монглам [16, с. 112–113]. Так было до второй половины 1930-х гг.

К 1 ноября 1938 г. в результате воинствующего атеизма и массовой репрессии арестовано 1864 ламы, многие расстреляны [3, с. 57]. Репрессиям и гонениям подверглись шаманы. Отсутствие священнослужителей, запрет на их деятельность заставляли людей, желающих проводить в последний путь близких в соответствии с традиционными уставами, находить компромиссы.

Конкретная ситуация возникла в регионах с глубокими буддийскими традициями и в моноэтничных бурятских улусах, где практика народного буддизма не прерывалась на протяжении всех лет советской власти [9, с. 201]. По полевым материалам, нередко заупокойные буддийские молитвы читались тайно глубокой ночью местными знающими стариками-мирянами. Впоследствии это становится уделом старых женщин.

В Кижингинском районе Республики Бурятия, отличавшемся религиозностью, избежавшие репрессий бывшие ламы и буддийские послушники (*хувараки*) тайно занимались религиозной деятельностью. Они выявляли благоприятные дни для погребения, а основной буддийский молебен для усопших *хуга намши* читали ночью [ПМА]. Обряды проводили также так называемые степные ламы и практикующие буддисты-миряне, знающие молитвы на тибетском языке, лунную астрологию и т. д. [ПМА]. Подобная картина наблюдалась и в районах проживания бурят-шаманистов – оставшиеся в сёлах шаманы погребальные обряды совершали ночью,

опасаясь рейдов воинствующих атеистов, комсомольцев [ПМА].

Нелегальное (подпольное) сохранение религии не было характерно для всего бурятского населения. В больших полиэтничных сёлах в семьях коммунистов и интеллигенции такое вряд ли практиковалось. Поборниками сохранения традиций в данной сфере нередко выступало старшее поколение семьи – не реально вековые представления о смерти преодолеть за несколько лет. По буддийским канонам в случае смерти человека семья для организации «правильных» похорон, необходимых как усопшему, так и живым, сразу узнаёт у ламы информацию: кто может подготовить покойника, какие молитвы необходимо читать, в какой день и час нужно похоронить, в каком направлении вынести и т. п. [17, с. 462].

При сложившемся положении – отсутствие священнослужителей и страх полного игнорирования обрядов и обычаев – у бурят выработались компромиссные варианты в виде суррогатных обычаев похорон. Из-за невозможности установления времени похорон каждого человека у бурят-буддистов сложилась инновация хоронить в чётные дни до 12 часов дня. Обычай со временем становится одним из этноразличительных признаков в Бурятии: бурят-буддистов хоронят с утра, а русских после обеда. Предбайкальские буряты-шаманисты хоронили на следующий день после смерти во второй половине дня. Но были у них и другие часы для похорон [ПМА].

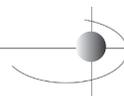
Мы располагаем материалами о похоронах во время Великой Отечественной войны, когда не было возможности соблюдения каких-либо обрядов. Люди жили скудно, вместо савана иногда заворачивали в чистую мешковину, гроб использовали тоже не всегда – у людей не было времени и возможностей на его изготовление. С трудом получали в колхозе разрешение использовать лошадь, нередко покойного относили на кладбище на руках. У предбайкальских бурят в день погребения полагалось «пустить кровь» (*шуна гаргаха ёһомой*), во время войны вместо полагающейся овцы иногда забивали курицу, которая к тому времени уже была на бурятском подворье. Поминки в военное время нередко ограничивались простым чаепитием [ПМА].

В бурятские сёла приходили похоронки. О том, как семья и сельское общество реагировало в тылу на смерть фронтовика, имеются сведения в устной истории Г. Б. Тудиновой: «Мы в 1943 году получили извещение о смерти [отца]. Когда поучили извещение, никаких похоронных обрядов не совершали, ничего особого не делали. Лам не было. <...>

Мне было четыре года, а я хорошо это помню. Мама плакала. Подруги её пришли. <...> Когда мама получила похоронку, тогда председатель принёс деньги, а мама купила нам с братом крупный кусковой сахар. Две штуки. Один кусок бабушке отдала, а другой нам с братом поделила и сказала: «Не грызите, а сосите». <...> До сих пор нет ни сахара, ни конфет такого сладкого, как тот сахар» Впоследствии Г. Б. Тудинова с бабушкой, матерью отца, съездила по туристической путевке на место гибели отца и отвезла на братскую могилу бурятскую землю [6, с. 29, 123–124]. Это довольно типичный случай тех дней – в 1970–80-е гг. была распространена традиция туристического паломничества в места захоронения погибших на войне родственников.

В послевоенное время происходит некоторое ослабление атеистического прессинга. В 1945 г. в Бурятской АССР строится Иволгинский дацан, чуть позже в 1947 г. разрешают открыть Агинский дацан в Читинской области. Несмотря на жёсткий контроль со стороны государства, дацанам, которые из-за своей удалённости были труднодоступны для большинства верующих, принадлежит большая роль в послевоенном восстановлении буддизма в Забайкалье [12, с. 54]. Стали возвращаться ламы, выжившие в лагерях и ссылках. Хотя не всем разрешалась религиозная деятельность, они сыграли важную роль в возрождении буддизма. Их знания были востребованы в сельском социуме, у них появились ученики и последователи, в основном женщины.

По мнению информантов, открытие Иволгинского дацана, в котором служили восемнадцать из выживших в репрессиях лам, имело колоссальное значение для буддийского населения. Появилась возможность обращения к буддийским астрологам по многим вопросам и в случае смерти родных. В то же время посещение дацанов советскими служащими, рабочими и колхозниками не поощрялось и могло привести к негативным административным последствиям. Людей нередко подвергали критике на партийных и комсомольских собраниях по месту работы или учёбы, порой выписывались штрафы, были выговоры с занесением в личное дело, исключения из комсомола [ПМА]. Ситуация улучшилась с 1953 г., но до начала перестройки буряты скрывали эту сторону своей жизни из боязни административных взысканий [ПМА]. В 1960-х гг. учителя боролись с религиозностью учащихся и их семей, требовали, чтобы они не посещали сангарилы,

не молились (*бурхандаа бу мургээгты*) и не ездили в Иволгинский дацан [ПМА].

Главной инновацией похорон бурят-буддистов является распространение в довоенное и послевоенное время в некоторых районах сангарила – коллективного чтения мирянами буддийских молитв [7, с. 89]. Возможно, оно появляется под влиянием чтения однодневной молитвы (*маани*), зафиксированного в начале XX в. [11, с. 357]. Это суточное непрерывное повторение магической мантры «*ом ма ни пад ме хум*», которую произносят, перебирая чётки, буддисты всех стран [2, с. 198]. Мы считаем, что причиной зарождения сангарила стала необходимость религиозного сопровождения похорон, чтения заупокойных молитв в отсутствии лам. Даже открытие Иволгинского дацана не могло изменить ситуацию: 18 штатных лам вряд ли могли обслужить всё буддийское население, поэтому с ослаблением атеистического прессинга сангарилы получают ещё большее распространение в современной Бурятии.

Женщины по приглашению читают молитвы за упокой души, за хорошее перерождение усопшего (*энэ турэнэй, энэ дайдаһаа гараад зальбараад уншажа, ондоо турэлдэ бэээ шэнжээд турээ*), за благополучие живых. Если приезжает лама, то они читают вместе с ним, помогают ему, что очень поощряется [ПМА]. Со временем сангарил на похоронах проводят четыре раза: три с момента смерти до похорон и один на обряде пробуждения души (*хоног тарааха*) на 49-й день после «промежуточного» состояния (*загурди*). Душа умершего 49 дней находится в загурди, каждые семь дней перерождаясь в шести её областях, а на седьмой раз на 49-й день – в мире людей или в каком-то другом из пяти миров сансары [14, с. 206]. Для участников сангарила готовили специальные блюда и напитки: рис с изюмом и маслом (*барайгар*), саламат (*шанаһан талха*), чай с молоком, *аарса*, *буузы* [ПМА].

В конце 1920-х гг. было организовано добровольное переселение отдельных бурят с западного побережья Байкала на восточное. В результате этой кампании из-за отсутствия удобных сельскохозяйственных угодий в регионе некоторые жители Ольхонского р-на Иркутской области переселились в Еравнинский р-н Бурят-Монгольской АССР [8, с. 239–241]. Наши полевые материалы 1998 и 2012 гг. показывают трансформации в погребальных обрядах не только под влиянием советской идеологии, но и буддизма. Жительница с. Можайка Еравнинского р-на РБ В. В. Антонова в 1977 г. похоронила 80-летнюю мать. На

второй день после её смерти ламы, старики, старухи, пришедшие по приглашению, читали сангарил. На сорок девятый день, согласно буддистской традиции, а не на 40-й, как принято у предбайкальских бурят, был проведён участниками сангарила обряд хоног тарааха со 108 лампадами (*зулатай сангарил*). При этом информант подчёркивает, что наряду с буддийскими обрядами на похоронах они сохраняют элементы погребальной обрядности предбайкальских бурят-шаманистов [ПМА].

После двух десятилетий некоторого послабления в ноябре 1964 г. в начале периода развитого социализма ЦК КПСС возобновляет борьбу с традиционными элементами в жизни населения, с религией. Для подавления некоторого религиозного возрождения вводится стандарт новой гражданской (безрелигиозной) обрядности с элементами советской символики. Развёртывается масштабная кампания за социалистическую обрядность. Сфера ритуальных услуг отличается высокой степенью государственного монополизма. Организацией похорон, содержанием кладбищ, производством похоронных принадлежностей и памятников занимаются специализированные предприятия республиканских министерств ЖКХ, бытового обслуживания и исполкомы местных советов народных депутатов [5, с. 306]. Похороны приобретают идеолого-политический характер и содержание, направленные на формирование представлений о нерушимом единстве коммунистической партии и народа [21].

С этого периода у бурят, по крайней мере в полиэтничных сёлах, распространяется гражданская советская похоронная обрядность пропагандистского характера. В ней были стандартные этапы: прощание с покойным большого количества людей (родственники, друзья, соседи, коллеги, представители общественности и пр.), торжественный вынос открытого гроба с покойным и его крышки, траурная процессия, траурный кортеж, гражданская панихида, коллективное поминание покойного [21].

Погребальная обрядность в советское время стала делом коллектива. Сельские поселения были частью колхоза или совхоза, а буряты являлись членами производственных коллективов и территориальных общностей. Одним из главных символических смыслов советского похоронного ритуала бурят, также как и других народов СССР, стала популяризация принципов коллективизма и социалистических завоеваний, обеспечивших человеку достойную жизнь и уход из неё. Если в довоенное время обряды погребения прово-

дильсь узким кругом родственников и близких знакомых, то с середины 1960-х гг. похороны стали массовыми. Со слов информантов вырисовывается обычная картина тех времён. В городе и деревне кроме родственников, друзей и соседей на похороны стали приходить «все кому не лень», почтить память ушедшего приходили коллеги и даже те, кто не был лично знаком с ним, но знал кого-то из его родственников, сослуживцы родственников и пр. [ПМА]. В моноэтничных сёлах в силу малой населённости и отсутствия учреждений такая ситуация не получила большого распространения.

С течением времени к середине 1970-х гг. в советской гражданской погребальной обрядности сложился ряд моделей в зависимости от половозрастного и социального положения человека. Были разработаны рекомендации стандартов похорон труженика, руководителя, человека преклонного возраста, матери, молодого человека, невинной девушки. Областным комиссиям по гражданской обрядности была дана установка, что при совершении обряда для более глубокого их укоренения в народных массах должны учитываться местные условия и прогрессивные традиции [21]. В Бурятии к тому времени сложились конкретные различия в советских похоронах русских, бурят и татар. Бурятия характеризуется отдельными кладбищами для бурят и русских, татар хоронили на бурятских. Были свои особенности в похоронах пожилых из-за большего количества религиозных элементов, похороны молодых людей носили светский характер и были многолюдными. Невинных девушек наряжали как невест, в свадебное платье и фату [ПМА].

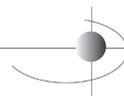
Тотальная идеологическая работа, а также естественное желание людей похоронить близкого «не хуже других» привели к успешному перерастанию инноваций в устойчивые советские традиции. Теперь с периода развитого социализма в больших полиэтничных сёлах традиционные похоронные ритуалы почти полностью заменены новыми советскими обрядами. По воспоминаниям информантов, практически повсеместно у бурят гроб и его крышку красили красной краской или обивали недорогой красной тканью, ситцем или сатином, иногда более дорогим плюшем, украшали чёрными траурными лентами. Почётно было хоронить из общественного здания с выносом красного знамени, с наградами усопшего на подушечках, с венками и оркестром. Существовал особый порядок траурной процессии. Впереди несли Красное знамя учреждения, затем награды и венки, за ними шёл оркестр, за которым несли от-

крытый гроб с покойным и отдельно крышку гроба, за покойным шли родственники, а за ними все присутствующие. Улицу обычно перекрывали и процессия двигалась по ней несколько кварталов. Ею руководил специальный человек. В 1960-е гг. было принято на похороны приглашать фотографа, который фиксировал все их этапы. Многие семейные альбомы были заполнены подробными траурными фотографиями. На могиле устанавливали памятник с навершием из пятиконечной красной звезды, стали строить железные ограды [ПМА]. Из-за престижного характера эти инновации быстро получали распространение у бурят полиэтничных сёл.

Государством были разработаны специальные инструкции проведения похорон. Думается, что не все организаторы сельских бурятских похорон были знакомы с печатным текстом, скорее всего опыт перенимался на практике. Например, существовало правило движения траурного кортежа. Участники траурной процессии, достигнув назначенного места, в определённом порядке садятся в ожидающие машины. К кладбищу траурный кортеж движется колонной по системе: машина для участников, несущих портрет и награды, машина с венками, автокатафалк с гробом и близкими родственниками, автобусы с участниками похорон [13]. На кладбище ездил много людей, считалось, что все они потом должны пойти на поминки [ПМА].

Не каждый ординарный сельский человек мог удостоиться таких пышных похорон. Обычно так хоронили заслуженных руководителей, партийных деятелей и молодых. Похороны требовали больших финансовых затрат, поэтому помогали родственники, соседи, друзья и знакомые, а также коллектив, в котором трудился человек. Типичная картина сборов денег на похороны и участливого отношения коллектива к усопшему юмористически показана в фильме Э. Рязанова «Служебный роман». Эта одна из инноваций советского времени, утверждающая коллективное начало социума, имела широкое распространение в стране и в Бурятии.

Несмотря на социалистические лозунги о равенстве и братстве, полевые материалы выявляют дифференциацию похорон по социально-экономическому признаку. Похороны людей высокого положения в бурятском колхозном социуме носили общественный характер. Если умирал руководящий работник, парторг, коммунист, то похоронами занималась специально созданная в организации комиссия, прощание проходило в помещении учреждения, где у гроба стоял почётный ка-

раул из сослуживцев с чёрными повязками на руках, звучала соответствующая музыка, говорились речи. Надо полагать, что сборы на похороны руководителей были, вероятно, более существенными, хотя бы из-за количества пришедших на них. Похороны рядового человека проводила семья, в последний путь покойного провожали обычно из его дома. Прощались во дворе, где проводили также некоторые необходимые традиционные ритуалы [ПМА].

В соответствии с советским похоронным обрядом на кладбище состоялся второй траурный митинг, чтобы ещё раз напомнить о заслугах человека, выразить скорбь по поводу утраты и соболезнование родным [ПМА]. На свежей могиле устанавливали портрет, возлагали венки и цветы в следующем порядке: от семьи и родственников, затем от коллег и друзей. Поминки были многоядными. Они также различались по разнообразию меню, качеству водки и количеству людей. Для людей высокого общественного положения поминки устраивали в учреждениях общественного питания. У рядовых людей они проходили в его доме, где накрывали несколько столов, усаживая три–четыре очереди. Инновация здесь заключается в появлении на бурятских поминальных столах в больших полиэтничных селах помимо традиционной пищи разнообразных городских праздничных блюд: водки, киселя, кутьи, блинов, котлет, кур, салатов, колбасных и рыбных нарезок, выпечки. На поминальный стол перед фотографией покойника ставили стопку водки, накрытую куском чёрного хлеба [ПМА]. Как видим, здесь также присутствуют элементы русского поминального стола, ставшие в СССР интернациональными.

В малых моноэтничных поселениях доминировала национальная бурятская кухня. Важной инновацией советского периода для бурят-буддистов явилось введение в поминальную трапезу алкогольных напитков. Жители с. Загустай Кижингинского р-на РБ отмечают, что где-то с 1965 г. на похоронах стали подавать по три стопки водки, так называемые три *духаряна*. Это традиция была распространена повсеместно и продержалась около двух десятилетий, но с середины 1980-х гг., с началом перестройки, когда началось движение по возрождению национальных традиций, алкоголь на похоронах был запрещён буддийской церковью [ПМА].

У предбайкальских бурят алкоголь традиционно играет важную роль в погребальной обрядности, которая сохраняется и в советское время. По обычаю с первого дня смер-

ти человека в обрядах присутствуют спиртные напитки. Каждый взрослый, пришедший проститься, приносит водку для ритуального капанья у изголовья покойного. Принесённая водка является в данной группе бурят своеобразной помощью (*муһаламжа*) семье для проведения поминок, на которых обязателен алкоголь. В пору всеобщего дефицита и антиалкогольной кампании, когда водку можно было приобрести только по талону, при норме на взрослого человека две бутылки в месяц, было установлено правило сельскому совету выдавать семье для поминок талоны на один или несколько ящиков водки. В одном ящике было 20 бутылок [ПМА].

Установившийся к 1970-м гг. гражданский советский погребальный обряд у бурят, так же как у всех народов СССР, сохранял этнические и конфессиональные компоненты. Такую ситуацию по отношению к городским улан-удэнским бурятам, которая, скорее всего, была характерна и для жителей больших полиэтничных сел, выявила Е. В. Ардонова. Она выделяет два типа погребально-поминальной обрядности бурят: гражданский (безрелигиозный) и гражданско-религиозный (полугражданский). Первый тип соответствует приведённой нами выше модели советских похорон, которая, наверно, не всегда применялась в действительности. На наш взгляд, более распространённым был второй тип, при котором, как правильно считает Е. В. Ардонова: «Соблюдался как бы двойной ритуал погребения, так как проводят гражданскую панихиду, но в то же время бывают соблюдены элементы религиозного обряда» [1, с. 82–83]. Далее в гражданско-религиозном погребально-поминальном обряде бурят выделены две разновидности: гражданско-ламаистский и гражданско-шаманистский [11, с. 83].

Действительно, в целях приобретения покойным «правильной» реинкарнации и предотвращения его вредоносного воздействия на оставшихся в живых родственниках советская похоронная обрядность сочеталась с элементами буддийской обрядности. Умилостивительно-предохранительные обряды больше практиковались у сельских жителей-буддистов, особенно в моноэтничных бурятских сёлах. Согласно полевым материалам буряты-буддисты следовали советам лам, с их помощью определяли благоприятное время похорон; выявляли людей, которые могли прикасаться к телу; узнавали годы рождения людей, которые не могли трогать покойника, ездить на кладбище; узнавали перечень необходимых молебнов и заказывали их; определяли наименование иконы с изобра-

жением сахюусана; после похорон, обычно на 49-й день подносили подаяние ламам в виде обеда для всей общины (*манжа*); по истечении года лам высокого ранга путём гадания узнавал о качестве перерождения и т. д. [ПМА].

После погребения участники похорон трижды обходили могилу по солнцу, при этом один держал священную книгу в руках, другой курильницу с благовониями, третий икону [ПМА]. С этим же обычаем столкнулась Н. Л. Жуковская в г. Чойболсане (МНР) в 1969 г. Она пишет: «А в сугубо современном гражданском обряде погребения можно отметить весьма древний момент обхождения уже зарытого в могилу покойника кругом по солнцу, проходившего под громкие звуки похоронной музыки, исполняемой оркестром, завершавшего всю траурную процессию и» [11, с. 123]. Здесь налицо вкрапление у монголов и бурят в советскую похоронную обрядность буддийских элементов. В конце июня 1961 г. И. Е. Тугутов подробно зафиксировал похороны 80-летней женщины, которые наглядно показывают совмещение новых символов с традиционными элементами погребальной обрядности [20].

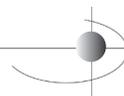
По возвращении с кладбища, куда в советское время стали выезжать наряду с мужчинами и женщины всех возрастов, во дворе мыли руки водой, освящённой *аршаном*, проходили между огней, очищаясь благовонными воскурениями. Поминки – торжественный праздничный обед, сопровождаемый обрядами. В больших полиэтничных сёлах, где влияние православной культуры и советской идеологии было сильнее, у бурят постепенно внедряется перечень обязательно подаваемых поминальных блюд в виде кутьи, киселя и блинов. На поминках по обычаю советского времени произносили хвалебные речи о покойном. В 1960–70-х гг. поминальную водку подавали в стаканчиках, которые разносили на подносах. Считалось нормой подача трёх рюмок, после которых люди пили кисель и вставали из-за стола. Этот своеобразный этикет впоследствии стал трансформироваться. Поминки стали продолжительными, беседы душевными, а водку после первой её раздачи в стаканчиках ставили в бутылках на столы для свободного употребления [ПМА].

Во время поминок в домах убеждённых буддистов лама совершал обряд «*гурум*», спасающий от вредных последствий похорон – «*ухээлэй хойтые заһаха*», после него проводили обряд «*далалга*», которым завершался первый цикл похоронно-поминальных обрядов [4, с. 119]. В советские годы большинство семей не могли позволить присут-

ствие ламы или шамана на похоронах из-за невозможности их найти, из-за финансовых проблем и из боязни партийных и советских органов. У буддистов в большей степени сохранялся обычай поддерживания в течение 49 дней после смерти неугасимого огня в лампаде. Это очень важный момент, связанный с реинкарнацией, так как лампадка освещает путь странствующей душе. Вторые поминки проводились у бурят-буддистов на 49-й день, других поминальных застолий у бурят-буддистов не было.

Одна из форм эмансипации бурятских женщин, особенно забайкальских, в советское время заключалась в том, что они получили право наравне с мужчинами участвовать в похоронах на кладбище. Несмотря на то, что основная часть женщин с пониманием относится к традиционному запрету, оказывается, есть те, кто считает это дискриминацией по половому признаку. Некоторым кажется, что обычай, запрещающий бурятским женщинам участвовать в непосредственном погребении на кладбище, подниматься на священные горы и заходить в другие сакральные места во время обрядов, свидетельствует об ущемлении их прав. Одна из информантов говорит: «Разве не от женщин эти мужчины на свет рождаются?! Так чего же нас считают нечистыми? Говорят, мол, женщины святое место загрязняют» [ПМА]. Другие тоже не понимают суть обычая, думая, что он возник из желания оградить женщин от тяжёлых испытаний, что посещение кладбища беременными женщинами или женщинами с грудными и маленькими детьми негативно скажется на их здоровье и потомстве. Есть ещё одно народное объяснение обычая. Считается, что женщины слезами могут утопить душу усопшего [ПМА]. Женщины из с. Ульдурга Еравнинского р-на РБ вспоминают, что в 1983 г. женщина потеряла сознание на кладбище, что было воспринято как знак свыше. С тех пор они туда не ходят [ПМА].

Другая форма эмансипации женщин привела у бурят-буддистов к их равноправному с мужчинами употреблению алкоголя на общественных мероприятиях. Некоторые информанты, на наш взгляд, совершенно обоснованно считают, что женский алкоголизм у бурят-буддистов получил массовое начало в советское время во многом благодаря традиции обязательного ежегодного празднования людьми всех возрастов дней рождений на работе и дома, массового посещения так называемых «горячих» поминок (бурятское – *буян*) и других поминальных дней (9, 20, 40, 49-й день, год и т. д.). По их мнению, в до-

вольно закрытом сельском сообществе, где в советское время все мероприятия охватывали почти весь социум, таких дней становится достаточно для приобретения вредных привычек.

Приведённые материалы свидетельствуют, что в советское время погребальная обрядность бурят, в т. ч. её технологическое и идеологическое оформление, отражает все крупные этапы истории СССР. Она сохраняет свою традиционную специфику в первые годы советской власти, затем в соответствии с углублением атеистической пропаганды и ликвидацией духовенства в значительной степени теряет религиозную наполненность в полиэтничных сёлах, а в моноэтнических улусах нередко реализуется подпольно. Послевоенное время характеризуется ослаблением атеистического прессинга: появление дацанов с несколькими официальными (штатными) ламами и некоторая легализация деятельности шаманов позволяют более открыто совершать элементы традиционных поминальных обрядов. С 1960-х гг. у бурят, как у всех народов полиэтничного государства СССР, получает развитие новая, гражданская советская погребальная обрядность, основа которой сохраняется в некоторой степени до настоящего времени при похоронах высокой категории. Её развитие и полное формирование заняло два десятилетия с 1965 г., начала этапа развитого социализма, до 1970–85-х гг., времени, называемого впоследствии «периодом застоя».

Анализ приведённых достоверных материалов позволяет выдвинуть следующую

периодизацию становления и развития погребальной обрядности у бурят в советское время: с 1920-х до 1937 г. – период традиционной практики погребальной обрядности с предпочтительной ингумацией, с соблюдением шаманских и буддийских обрядов; с 1937 по 1946 г. – период практики погребальной обрядности с ингумацией в отсутствие буддийских дацанов и священнослужителей, который характеризуется появлением тайных коллективных чтений молитв, в т. ч. на похоронах; с 1960-х гг. – время установления норм гражданской советской похоронной обрядности, которые на практике почти всегда сочетаются с элементами религиозной традиции (шаманской и буддийской).

Таким образом, модернизационный рывок СССР привёл к кардинальным переменам в жизни всех народов страны, в т. ч. бурят. В результате складывания советского образа жизни, сопровождаемого мерами по преодолению этничности, создаётся ряд общих черт, характерных для советского народа. При этом сохраняется неискоренимый местный колорит, обусловленный вековой традиционной культурой и конфессиональной принадлежностью народа. Социалистические преобразования коснулись всех сторон жизни бурят, включая обрядность из цикла жизни человека, а именно погребальную. Результаты статьи могут иметь практическое значение в организации работы ритуальной службы на этнической территории бурят. Статья открывает перспективы для дальнейшего объективного изучения советского периода на основе современных методологий и методов.

Список информантов

Башинов А. П., 1942 г. р., с. Ирхидей, Осинский р-н Иркутской области. Бодоева П. К., 1928 г. р., с. Бохан, Боханский р-н Иркутской области.

Буянтуева, Д. Н. 1943 г. р., с. Верхний Торей, Джидинский р-н РБ.

Дагбаев Ш. Ц., 1956 г. р., с. Ульдурга, Еравнинский р-н РБ.

Данзанова К.-С. Ц., 1948 г. р., с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.

Дамдинжапова Г. Д., 1935 г. р., с. Могсохон, Кижингинский р-н РБ.

Догсонова Д. Ц., 1941 г. р., с. Ульдурга, Еравнинский р-н РБ.

Дониров А. А., 1949 г. р., с. Исинга, Еравнинский р-н РБ.

Доржитаров С. О., 1940 г. р., с. Верхний Торей, Джидинский р-н РБ.

Мункуева Д. П., 1927 г. р., с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.

Паткина И. Б., 1947 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н РБ.

Соболев В. С., 1927 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н РБ.;

Содномов П. Н., 1945 г. р., с. Баянгол Кижингинский р-н РБ.

Соропова Д. Д., 1948 г. р., с. Исинга, Еравнинский р-н РБ.

Суворов С. И., 1952 г. р., с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.

Сультимова Г. Б., 1949 г. р., с. Исинга, Еравнинский р-н РБ.

Тарбаева Ц.-Д. М., 1935 г. р., с. Могсохон, Кижингинский р-н РБ.

Тугултурова Н. Б., 1922 г. р., с. Могсохон, Кижингинский р-н РБ.

Ульзытуева Ц.-Е. С., 1934 г. р., с. Нижний Бургултай, Джидинский р-н РБ.

Унхеев П. Н., 1952 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н РБ.

Халхаров Д. Х., 1940 г. р., с. Сосново-Озерское, Еравнинский р-н РБ.

Цыденов Ч. Ц. (Чингиз лама), 1972 г. р., с. Усть-Эгита, Еравнинский р-н РБ.

Чимитова Х. Б., 1921 г. р., с. Ульдурга, Еравнинский р-н РБ.

Список литературы

1. Ардонова Е. В. Погребально-поминальный обряд бурят города Улан-Удэ / Е. В. Ардонова // Гуманитарные исследования молодых учёных Бурятии. Улан-Удэ, 1996. С. 81–87.
2. Буддизм: словарь. М.: Республика, 1992. 287 с.
3. Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 136 с.
4. Галданова Г. Р. Традиционные верования и обычаи забайкальских бурят в рукописях Г.-Д. Нацова // Исследования по исторической этнографии монгольских народов: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986. С. 112–129.
5. Елютина М. Э., Филиппова С. В. Традиции и инновации в сфере похоронного дела // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. 2010. № 3 (1). С. 298–308.
6. Жамбалова С. Г. Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени (устная история Г. Б. Тудиновой). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 148 с.
7. Жамбалова С. Г. О народном буддизме в современной Бурятии // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 87–93.
8. Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.) / С. Г. Жамбалова. Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
9. Жамбалова С. Г. Село Ацагат Бурятии – частичка обновляющейся России // Гуманитарные исследования Сибири в контексте обновления историографических практик: материалы всерос. науч.-практ. семинара. Ч. II. Братск, 2010. С. 195.
10. Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
11. Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии / Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 1977. 199 с.
12. Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. 600 с.
13. Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации / М. Ю. Лимонад, В. П. Ковалевский, Л. Н. Гавриков [и др.]. М., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.norm-load.ru/SNiP/Data1/8/8360/index.htm> (дата обращения: 25.05. 2013).
14. Ламаизм в Бурятии XVIII–XX вв. / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. 233 с.
15. Марков Г. Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. М.: Наука, 1985. С. 244–261.
16. Нацов Г.-Д. Ц. Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 137 с.
17. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А. М. Позднеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.

References

1. Ardonova E. V. Pogrebal'no-pominal'nyi obryad buryat goroda Ulan-Ude / E. V. Ardonova // Gumanitar-nye issledovaniya molodykh uchenykh Buryatii. Ulan-Ude, 1996. S. 81–87.
2. Buddizm: slovar'. M.: Respublika, 1992. 287 s.
3. Vanchikova Ts. P., Chimitdorzhin D. G. Istoriya buddizma v Buryatii: 1945–2000 gg. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2006. 136 s.
4. Galdanova G. R. Traditsionnye verovaniya i obychai zabaikal'skikh buryat v rukopisyakh G.-D. Natsova // Issledovaniya po istoricheskoi etnografii mongol'skikh narodov: sb. st. Ulan-Ude: Izd-vo BF SO AN SSSR, 1986. S. 112–129.
5. Elyutina M. E., Filippova S. V. Traditsii i innovatsii v sfere pokhoronnogo dela // Vestn. Sarat. gos. tekhn. un-ta. 2010. № 3 (1). S. 298–308.
6. Zhambalova S. G. Reministsentsii kochevogo obraza zhizni na fone povsednevnykh praktik sovetskogo i postsovetskogo vremeni (ustnaya istoriya G. B. Tudinovoi). Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2013. 148 s.
7. Zhambalova S. G. O narodnom buddizme v sovremennoi Buryatii // Gumanitarnyi vektor. 2011. № 2 (26). S. 87–93.
8. Zhambalova S. G. Profanniy i sakral'nyi miry ol'khonskikh buryat (XIX–XX vv.) / S. G. Zhambalova. Novosibirsk: Nauka, 2000. 400 s.
9. Zhambalova S. G. Selo Atsagat Buryatii – chastichka obnovlyayushcheisya Rossii // Gumanitarnye issledovaniya Sibiri v kontekste obnovleniya istoriograficheskikh praktik: materialy vseros. nauch.-prakt. seminar. Ch. II. Bratsk, 2010. S. 195.
10. Zhamtsarano Ts. Zh. Putevye dnevniki 1903–1907 gg. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2001. 382 s.
11. Zhukovskaya N. L. Lamaizm i ranniy formy religii / N. L. Zhukovskaya. M.: Nauka, 1977. 199 s.
12. Zemlya Vadzhrapani. Buddizm v Zabai-kal'e. M.: Dizain. Informatsiya. Kartografiya, 2008. 600 s.
13. Instruksiya o poryadke pokhoron i sodержanii kladbishch v Rossiiskoi Federatsii / M. Yu. Limonad, V. P. Kovalevskii, L. N. Gavrikov [i dr.]. M., 2000. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.norm-load.ru/SNiP/Data1/8/8360/index.htm> (data obrashcheniya: 25.05. 2013).
14. Lamaizm v Buryatii XVIII–XX vv. / G. R. Galdanova, K. M. Gerasimova, D. B. Dashiev [i dr.]. Novosibirsk: Nauka, 1983. 233 s.
15. Markov G. E. Struktura i istoricheskie tipy obraza zhizni // Etnograficheskie issledovaniya razvitiya kul'tury. M.: Nauka, 1985. S. 244–261.
16. Natsov G.-D. Ts. Materialy po istorii i kul'ture buryat. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1995. 137 s.
17. Pozdneev A. M. Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu / A. M. Pozdneev. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. 512 s.

18. Семёнова В. И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху Средневековья: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / В. И. Семёнова. Томск, 2006. 48 с.

19. Суворова А. С. Погребальная обрядность бурят: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Суворова Арюна Станиславовна. Улан-Удэ, 2014. 26 с.

20. Тугутов И. Е. Материалы Агинской этнографической экспедиции БКНИИ / И. Е. Тугутов // ОФ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 1909. 1961 г. 69 с.

21. Якушин С. Обряд «Похороны» в СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.funeralportal.ru/magazine/1021/4830.html. (дата обращения: 14.02.2013).

18. Semenova V. I. Mirovozzrencheskie istoki pogrebal'noi obryadnosti v kul'ture narodov Zapadnoi Sibiri v epokhu Srednevekov'ya: avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii: 24.00.01 / V. I. Semenova. Tomsk, 2006. 48 s.

19. Suvorova A. S. Pogrebal'naya obryadnost' buryat: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.07 / Suvorova Aryuna Stanislavovna. Ulan-Ude, 2014. 26 s.

20. Tugutov I. E. Materialy Aginskoi etnograficheskoi ekspeditsii BKNII / I. E. Tugutov // OF TsVRK IMBT SO RAN. D. 1909. 1961 g. 69 s.

21. Yakushin S. Obryad «Pokhorony» v SSSR [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: www.funeralportal.ru/magazine/1021/4830.html. (data obrashcheniya: 14.02.2013).

Статья поступила в редакцию 14.04.2015